

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт

права и экономики ФСИН»

г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/r-75347

ПРАКТИКА ЦЕРКОВНОГО НАДЗОРА НАД ЗАКЛЮЧЕННЫМИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Аннотация: статья посвящена малоизученной теме – осуществлению церковного надзора над арестантами. Сложность его описания связана с отсутствием нормативного закрепления понятия «церковный надзор». Раскрываются причины, особенности, формы данного направления в деятельности тюремных священников.

Ключевые слова: церковный надзор, тюремные священники, тюремный персонал, пенитенциарная система.

В последнюю четверть XIX столетия в картельной политике Российской империи произошли кардинальные перемены. В результате начавшейся в 1879 г. тюремной реформы было положено начало создания отечественной пенитенциарной системы, в основе построения которой лежал европейский подход, сочетавший в себе принципы гуманизации наказания и повышения эффективности мест заключения. По словам главного идеолога тюремной реформы М.Н. Галкина-Враского, главная идея заключалась во внедрении в тюремные учреждения исправительного содержания [1]. Собственно, сама идея гуманизации наказания начала формироваться еще во второй половине XVIII в., а после создания в России Общества попечительного о тюрьмах тюремная благотворительность получила официальную поддержку. Однако до конца 1870-х гг. царская тюрьма и каторга представляла собой крайне неприглядное социальное явление. Ее пороки были настолько очевидны, что граф В.А. Соллогуб после инспектирования мест заключения настоятельно рекомендовал подвергнуть ее

коренной перестройке. Помимо ликвидации вопиющих злоупотреблений была предпринята попытка создания образцовых тюрем, которые могли бы перевоспитывать преступников с помощью религии.

Вопрос об использовании религии в качестве средства воздействия на заключенных, частью процесса которого был и церковный надзор, изучен крайне слабо. Дореволюционные исследователи в силу зачаточного состояния пенитенциарной науки только начинали обосновать модель взаимоотношений церкви и государства в карательной сфере, основываясь на мозаичном европейском опыте [2]. Требовалось время, чтобы на практике установить его жизнеспособность к российским условиям. Советская историческая наука в целом негативно оценивала присутствие церкви в карательных учреждениях Российской империи. В современный период предпринимаются попытки изучения отдельных сторон пенитенциарной деятельности ведущих конфессий, и прежде всего Русской православной церкви. Вместе с тем, акцент сделан в основном на пенитенциарную практику монастырей, что не совсем объективно отражает роль конфессий в карательной сфере.

Подчеркнем, что воздействие церкви на заключенных в указанный период осуществлялось в нескольких направлениях: миссионерство, богослужение, благотворительность, исправительная и образовательная деятельность, надзор. Каждое из них представляло самостоятельный раздел деятельности церкви, к участию которых были вовлечены различные церковные структуры. Церковный надзор в этом отношении отличался тем, что он пронизывал все направления деятельности церкви.

Надзорные функции церкви сложились еще на заре формирования государственных институтов, когда верховная стала искать поддержку у влиятельных священнослужителей с целью объединения территорий. Постепенно государство делегировало церкви часть собственных прав, возложив на приходских священников часть полномочий по надзору за поведением населения. Они следили, чтобы миряне соблюдали традиционный уклад, посещали церковь, участвовали в религиозных культах, приобщались к религиозным ценностям. Такая

система надзора была достаточно прочной и позволяла государству охватывать своим вниманием все сословия.

В дальнейшем практика церковного надзора была перенесена и на карательные учреждения. Таким образом, подобно полицейскому, тюремный надзор осуществлялся и государством, и церковью, и обществом, но распространялся только на заключенных [3].

По смыслу своего назначения надзор относится к форме деятельности государственных органов по обеспечению законности. В пенитенциарных учреждениях общий надзор за соблюдением режима осуществляли государственные служащие: тюремный персонал и чиновники тюремных инспекций. С введением в тюремный штат должности тюремного священника, на последних автоматически ложилась и обязанность по надзору за заключенными. Заметим, что штат тюремных священнослужителей был сформирован не сразу. У М.Н. Галкина-Враского первоначально не было четкого представления о статусе тюремного священнослужителя. На тот момент сложилась практика регулярного посещения мест заключения приходскими священниками по очереди. Однако сложившийся порядок не устраивал духовенство, так как вознаграждение за проведение богослужений было небольшим. Поездка Галкина-Враского в Западную Европу с целью знакомства с передовыми моделями переустройства тюрем, постепенно приводит его к мысли о необходимости постоянного присутствия клира в составе тюремного персонала [4].

Отношение самой церкви к государственным обязанностям было неоднозначным. Для церкви было важнее изгнать человеческий порок, чем осуществлять внешний контроль над человеком порочным [5].

Тюремный священник относился к низовому звену структуры тюремного управления наряду с начальником тюрьмы, его помощниками, врачом и стражей [6]. Осуществление надзора не являлось основной функцией тюремного духовенства. Для церкви она воспринималась в разрезе христианского учения, то есть священники контролировали не поведение правопослушного подданного, а обеспечивали соблюдение им христианских обязанностей. Вместе с тем, грань

такого деления была условной, поскольку национальная правовая система была прочно связана с христианскими нормами.

Инструкция смотрителю тюремного замка лишь в общих чертах определяла границы церковного надзора [7]. В ст. 155 давалось расплывчатое указание, что действия священников должны соотноситься с правилами инструкции «для достижения цели, с которой люди, состоящие в тюремном замке, поручались его пастве». Священники должны следить, чтобы арестанты исправно исполняли христианские обязанности: посещали тюремный храм, причащались, проходили исповедь [7, ст. 102–107].

Относительно того, в какой форме должен был осуществляться церковный надзор Инструкция не давала четкого ответа. Устанавливалось, что священник должен был «удостовериться в исправлении арестанта» [7, ст. 157].

В процесс церковного надзора был вовлечен весь тюремный персонал. Он помогал следить за выполнением установленных правил, связанных с соблюдением конфессиональных требований: надзиратели следили за порядком богослужения, караульный офицер обеспечивал своевременное проведение молитв, смотритель замка контролировал проведение христианских праздников [7, ст. 74–78, 140–141].

Некоторые статьи относились ко всем участникам осуществления надзора: тюремные служители должны следить, чтобы в тюремном замке никто «не произносил проклятия и божбу» [7, ст. 49]. Тогда как попечение о тюремном храме относилось к смотрителю (начальнику), его помощнику и священнику. В данном случае трактовка попечения понималась не только как забота, но и наблюдение за общим состоянием храма, обеспечением его функционирования, что вполне укладывалось в понятие надзора.

Наиболее наглядное представление о надзорной деятельности священнослужителей дает их отчетная документация, а также рапорты о поведении христиан-заключенных. Кроме того, тюремные священники вели специальные журналы, в которых фиксировали не только нарушения заключенных и меры, принимаемые для их устранения: замечание, назидание, более строгое соблю-

дение постов, лишение причастия. Против каждой фамилии арестанта ставилась запись об успехах исправления или отсутствия таковых. Однако введенную систему церковного надзора вряд ли можно назвать эффективной, поскольку механизм его осуществления обозначался в самом общем виде. Не устанавливалась и система взаимодействия священника с тюремным персоналом по осуществлению надзора над арестантами. На рубеже XIX–XX столетий под воздействием либерализации российского общества система церковного надзора стала испытывать серьезные сбои, что в итоге привело к ее деградации.

Список литературы

1. Галкин М.Н. Материалы по изучению тюремного вопроса / М.Н. Галкин. – СПб.: Тип. 2 отд. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1868. – С. 8.
2. Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания / С.В. Познышев. – М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. – 185 с.
3. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М.: Эксмо, 2006. – С. 418.
4. Павлушков А.Р. Влияние идей М.Н. Галкина-Враского на роль религии в исправлении личности преступника / А.Р. Павлушков // Теоретические и практические проблемы развития УИС в Российской Федерации и за рубежом: сборник тезисов выступлений и докладов участников Междунар. научно-практ. конференции (Рязань, 28–29 ноября 2018 г.). Т. 2. – Рязань: Акад. права и управл. ФСИН. – С. 190–195.
5. Виноградов В.В. Платон и Филарет, митрополиты Московские (сравнительная характеристика) / В.В. Виноградов // Богословский вестник. – 1913. – Т. 1, январь. – С. 332.
6. Уголовно-исполнительное право России / ред. А.И. Зубкова. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 614 с.
7. Инструкция смотрителю тюремного замка. – Пермь: Тип. губерн. правл., 1882. – 30 с.